

НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ИСКУССТВА ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ В КОЛЛЕКЦИИ Н. К. ВИТЗЕНА

А. Ю. Борисенко, Ю. С. Худяков

The authors consider artworks in animal style from N. K. Vitzen's collection. The analysis of the findings testifies to their origin from different cultural complexes of the Scythian and Hunnish-Sarmatian periods. Territorially, the majority of the findings is associated with the Irtysh basin and the steppe Altai, as well as with North and Central Kazakhstan. It can't be excluded that some artefacts analogous to the materials obtained from the Middle Asia, Iran and the North Black Sea basin might be received by N. K. Vitzen's correspondents not only from Siberia but also from the other regions.

Начало изучения сибирских древностей связано с коллекционированием предметов «могильного золота» из древних и средневековых курганов. В XVII–XVIII вв., в результате многолетнего ограбления бугровщиками, были опустошены и разрушены тысячи археологических памятников Западной и Южной Сибири. Деятельность бугровщиков нанесла колоссальный урон историко-культурному наследию сибирского региона. Золотые и серебряные украшения делили по весу, разрубали на части, переплавляли и продавали. Могильному промыслу активно способствовали сибирские воеводы, которые нередко снаряжали и отправляли в степи отряды искателей сокровищ [Вадецкая, 1981, с. 5]. Полученные в качестве доли археологические находки пускали в переплав, иногда из них изготавливались драгоценные безделушки, лишенные всякой исторической ценности. Например, воевода Г. Салтыков из найденных на р. Тоболе серебряных предметов «велел сделать себе саблю на память об этом замечательном обстоятельстве» [Зиннер, 1968, с. 32]. Слухи о неисчислимом богатстве «татарских могил» в Сибири изделиями из золота и серебра доходили до царского двора, который в XVII в. волновало только, «откуда те татары в прежние лета такое золото и серебро получали, или из которого государства оное к ним привожено было» [Вадецкая, 1981, с. 5–6]. Алчность бугровщиков не смогла остановить ни вооруженное сопротивление местных кочевников, ни церковные каноны, ни царские указы, лишь истощение археологических памятников сделало этот промысел невыгодным и постепенно свело его на нет.

За многие десятилетия бугрования лишь отдельные предметы, по счастливому стечению обстоятельств, попадали к любителям древностей, коллекционерам и антикварам, в том числе иностранцам, оказавшимся в России с дипломатическими или торговыми целями либо находившимися на российской службе. Благодаря описаниям и зарисовкам эти ценные находки сохранились для науки.

Среди европейцев, интересовавшихся Сибирью в XVII — начале XVIII в., особая роль в сохранении и изучении сибирских древностей принадлежала Н. К. Витзену.

Николаас Корнелис Витзен был выдающимся государственным деятелем, дипломатом, администратором и ученым из Нидерландов. В молодые годы он был включен в состав голландского посольства в Москву, возглавляемого Якобом Борелем. Пробыв в Москве с 1664 по 1665 г., Н. К. Витзен смог собрать материалы по географии, этнографии, истории России и Сибири [Зиннер, 1968, с. 10–12]. Его интерес к российской глубинке во многом был обусловлен планами поиска торговых путей вокруг Северной Азии в Китай. В последующие десятилетия Н. К. Витзен продолжал собирать материалы о Сибири, получая их от своих корреспондентов в Москве. Значительную помощь в этой деятельности оказал ему думный дьяк А. А. Винниус [Алексеев, 1936, с. 62]. Результаты своих многолетних исследований Н. К. Витзен обобщил в фундаментальном труде «Северная и Восточная Татария», изданном в Амстердаме в 1692 г. [Witsen, 1785]. В работе наряду со сведениями по географии, этнографии и истории содержатся описания некоторых археологических памятников и находок, обстоятельств их обнаружения представителями царской администрации [Зиннер, 1968, с. 30–32]. С помощью своих корреспондентов ученый собрал ценную коллекцию предметов древнего и средневекового ювелирного искусства из сибирских курганов, раскопанных бугровщиками. Одну из таких находок, серебряный сосуд из разрушенной могилы на Самаровом Яме, ему подарил в 1698 г. участник «Великого посольства» из России, бывший сибирский воевода, боярин Ф. Головин [Зиннер, 1968, с. 30]. Во время пребывания русского посольства в Голландии Н. К. Витзена посетил царь Петр I. В дальнейшем они переписывались. По личному распоряжению Петра исследователю сибирских древностей отправлялись посылки с различными редкостями для определения [Там же, с. 12, прим. 14]. Вполне вероятно, что именно под влиянием Н. К. Витзена, после ознакомления с его коллекцией, Петр I заинтересовался сибирскими древностями, в результате чего появились знаменитые указы о сдаче в казну «куриозных вещей» и о запрете грабительских раскопок древних могил. По инициативе Петра I в Сибирь была направлена экспедиция Д. Г. Мессершмидта, одной из основных задач которой был сбор сибирских реликвий и изучение археологических памятников. Именно Н. К. Витзен рекомендовал российскому генералу, швейцарцу по происхождению, Ф. Лефарту принять на российскую службу молодого голландского

специалиста Г. В. де Геннина, который в последующем, в период пребывания начальником казенных горных заводов Урала и Сибири, собрал значительную коллекцию и составил описание некоторых археологических памятников Прииртышья [Геннин, 1937, с. 546–548]. Второе издание книги голландского ученого увидело свет в 1705 г. [Witsen, 1785]. Однако сбор сибирских ценностей не прекратился. Н. К. Витзену продолжали присылать находки из раскопанных бугровщиками курганов. Особо ценными были посылки 1714 и 1717 гг. В них находилось около сорока золотых предметов, в том числе гривны, поясные бляхи и другие украшения с изображениями животных [Вадецкая, 1981, с. 6]. Рисунки многих предметов из коллекции и изображение начертаний на Ирбитской писанице были опубликованы в третьем издании книги Н. К. Витзена в 1785 г. [Witsen, 1785, tabl. 1–4].

Ориентируясь на заинтересованность российского императора в сборе древних «сокровищ» для Кунсткамеры, горнозаводчик Н. А. Демидов в 1715 г. преподнес в дар императрице «золотые сибирские могильные вещи» [Вадецкая, 1981, с. 6]. В 1716 г., выполняя «повеление» царя, прислал коллекцию «старых вещей» из «земли древних поклаж» сибирский губернатор М. П. Гагарин [Завитухина, 1977, с. 41]. Эти находки стали основой знаменитой Сибирской коллекции Петра I. В 1720 г. тибетские буддийские рукописи из Аблайкита и коллекция бронзовых статуэток были доставлены в Санкт-Петербург экспедицией И. М. Лихарева [Княжецкая, 1989, с. 26–32].

Археологические материалы, полученные Н. К. Витзеном, всегда привлекали внимание специалистов. Мнение ученого о том, что рисунки Ирбитской писаницы представляют собой «неизвестный род письма» поддержал Ф. И. Страленберг, который многие наскальные «фрески» относил к «письменным знакам» [Stralenberg, 1770, с. 356–362]. Правда, в отличие от Н. К. Витзена, Ф. И. Страленбергу были известны и памятники рунической письменности на Енисее [Там же, с. 362]. Точку зрения голландского исследователя о принадлежности изображений Ирбитской писаницы «неведомому письму» довольно подробно изложил и критически проанализировал Г. Ф. Миллер [1937, с. 526–528]. Он сопоставил рисунки писаницы с иллюстрациями из работ Г. Купера и Ф. И. Страленберга, с собственными наблюдениями и пришел к выводу, что на Ирбитской писанице представлены только изображения людей и животных, но нет знаков письменности [Там же, с. 528–529]. Описание некоторых археологических памятников и находок, а также обстоятельства их обнаружения из книги Н. К. Витзена в переводе Э. И. Ваншейдта были опубликованы В. Радловым [1888, с. 3–5]. В 1968 г. отрывки из этой книги переиздал Э. П. Зиннер [1968, с. 30–32]. Отдельные сведения из труда и переписки Н. К. Витзена использовали в своих работах по истории археологии и формирования первых археологических коллекций в России и Сибири С. И. Руденко, А. А. Формозов, Э. Б. Вадецкая и другие исследователи [Руденко, 1962, с. 7; Формозов, 1986, с. 20; Вадецкая, 1981, с. 6; Курочкин, 1995, с. 9]. Отдельные рисунки из книги приводились в трудах К. Йеттмара и Г. Коссака [Jettmar, 1964, с. 7; Kossak, 1965, с. 2]. Обращаясь к материалам, полученным этим ученым, исследователи нередко использовали не оригинальные издания его книги, а более поздние переводы и переиздания в трудах других авторов.

Приводимые в труде сведения об археологических памятниках и находках, зарисовки экспонатов служили иллюстративным материалом для характеристики уровня развития археологической науки в XVIII в.

Между тем собранные Н. К. Витзеном материалы и прекрасно выполненные иллюстрации археологических находок могут быть объектом специального исследования. В отличие от рисунков петроглифов с Ирбитской писаницы, изображения на которой были непонятны их первым исследователям, передававшим их неточно и схематично, вследствие чего они были приняты за знаки неизвестной письменности, вещи, присланные Н. К. Витзену, как правило, зарисовывались профессиональным художником, иллюстрировавшим его книгу, скрупулезно передавая особенности формы и фактуры материала. Судя по рисункам, вещи коллекции происходят из разновременных и разнокультурных памятников, вероятно, с достаточно широкой территории. Среди них есть браслеты, гривны, пряжки и бляшки, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле; серьги, подвески и колты, украшенные зернью и вставками из цветных камней; перстни и поясные бляшки. Пряжки, ложечковидные подвески; сосуд с боковой ручкой; античные и арабские монеты. Возможно, не все эти находки происходят из Сибири, хотя большая часть предметов находит аналогии в древних и средневековых культурах Северной и Центральной Азии.

Рассмотрим предметы с изображениями животных, выполненными в скифо-сибирском зверином стиле.

Оленья бляшка, изображающая благородного оленя «в летучем галопе», с подогнутыми ногами и отогнутыми на спину ветвистыми рогами. В фигуре животного подчеркнут рельеф основных частей тела, выделена голова с миндалевидным глазом, вытянутой мордой, ноздрей и приоткрытым ртом. За головой показано большое приостренное ухо и декоративно изогнутые ветвистые рога. Несколько завитков у рогов обломано. У оленя короткая шея и туловище, мощная грудь и круп, очень тонкие, подогнутые к телу, ноги [Witsen, 1785, tabl. 3, 1]. (рис. 1, 2). Образ оленя был одним из самых распространенных и популярных в изобразительном и декоративно-прикладном искусстве кочевников — саков [Абаев, 1949, с. 198]. Стилизованные изображения оленей «в лету-

чем галопе» характерны для многих кочевых культур раннего железного века в степной зоне Евразии. Однако наибольшее сходство рассматриваемая бляшка имеет с изображениями оленей из сакских курганов Восточного Казахстана и памятников тагарской культуры Минусинской котловины [Черников, 1965, с. 51–57; Мартынов, 1979, с. 120]. Эта находка происходит из Прииртышья, так как деятельность бугровщиков в Минусинской котловине до ее присоединения к России была невозможна. По мнению С. С. Черникова, золотые оленные бляшки из Чиликтинского кургана в Восточном Казахстане относятся к VII–VI вв. до н. э. [1965, с. 65]. В тагарской культуре подобные вещи бытовали в V в. до н. э. [Мартынов, 1979, с. 120]. Судя по этим аналогиям, оленная бляшка из коллекции Н. К. Витзена датируется серединой I тыс. до н. э.

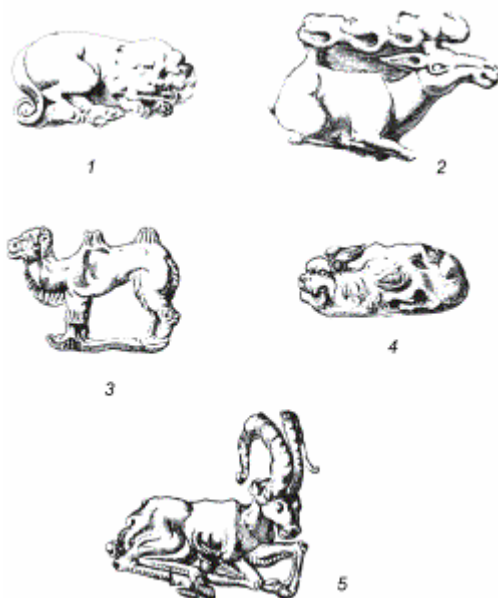

Рис.1. Бляшки с изображением животных.
1,4 - львы; 2 - олень; 3 - верблюд; 5 - горный козел.

Бляшка в виде фигуры кошачьего хищника. Он изображен в профиль, с поджатыми под себя лапами и прижатым к крупу хвостом, конец которого свернут в спираль, с головой, повернутой анфас. Вокруг головы показана волосатая грива. Вероятно, изображен лев в характерной позе, готовый к прыжку (рис. 1, 1). Голова, передние и задние лапы переданы на рисунке не очень отчетливо. Возможно, художник не адекватно понял отдельные детали бляшки. Это изделие находит аналогии в культуре ранних саков Приаралья, в вещевом материале которой есть деталь колчана в виде фигурки сидящего льва, положившего голову на передние лапы. Голова хищника повернута анфас. Эта находка датируется V в. до н. э. [Итина, 1992, с. 43]. Подобные золотые пластинки с изображением кошачьего хищника с головой, повернутой анфас, встречаются и в материалах тасмолинской культуры в Центральном Казахстане. Они отнесены к VII–VI вв. до н. э. [Вишневская, 1992, с. 137]. Судя по этим аналогиям, рассматриваемая бляшка может происходить из степей Казахстана и должна относиться к середине I тыс. до н. э.

Бляшка с изображением двугорбого верблюда-бактриана. Верблюд изображен в профиль, стоящим на горизонтальной подставке. У него выделены голова, изогнутая мохнатая шея, вытянутое туловище со штрихованными горбами, соединенные парами передние и задние ноги с мохнатой бахромой (рис. 1, 3). Подобная манера изображения одиночно стоящих или борющихся между собой верблюдов характерна для памятников раннего железного века Приуралья и Казахстана [Королькова, 1998, с. 143]. По мнению Е. Ф. Корольковой, они относятся к VI–IV вв. до н. э. [Там же, с. 139]. Таким образом, находка может иметь казахстанское происхождение и датироваться серединой I тыс. до н. э.

Бляшка, представляющая собой фигуру лежащего горного козла. Козел изображен в профиль, его голова на короткой шее развернута на три четверти в сторону фаса, рога круто загнуты. Все четыре ноги у животного подогнуты. Левая передняя нога, согнутая в коленном суставе, приподнята. На ногах и животе показана мохнатая бахрома. На крупе выделен хвост (рис. 1, 5). Скульптурные и барельефные изображения горных козлов широко распространены в прикладном искусстве древних кочевников. В Центральной Азии они являлись одним из наиболее распространенных сюжетов звероногого стиля с эпохи поздней бронзы до хуннского времени. Однако преобладали изображения объ-

емные и барельефные, стоящих фигур или голов животных [Новгородова, 1989, с. 134; Могильников, 1992, с. 266–267]. Изображения горных козлов характерны для искусства ираноязычных кочевников Ирана и Восточной Европы в раннескифское время [Погребова, Раевский, 1992, с. 139, 141]. Эта находка может свидетельствовать в пользу того, что в коллекцию Н. К. Витзена могли попасть вещи не только из Сибири, но и из степной полосы Восточной Европы. Судя по имеющимся аналогиям, она должна относиться к VII–VI вв. до н. э.

Изображение крылатого коня, показанного в профиль, стоящим на горизонтальной подставке. У него выделена большая голова, короткая шея, крыло, идущее веером от правой передней ноги кверху и закрывающее почти все туловище, массивный круп, четыре ноги и длинный хвост (рис. 2, 2). Края фигуры и ее отдельные детали переданы не очень четко. Возможно, это изделие было изготовлено из золотой фольги, обернутой вокруг основы из другого материала. Изображения крылатых коней-пегасов характерны для культур скифского времени степного Причерноморья и Предкавказья, испытавших влияние греческой цивилизации [Галанина, 1980, с. 83–84]. Данный факт позволяет предположить, что находка происходит из степной полосы Восточной Европы и датируется серединой I тыс. до н. э.

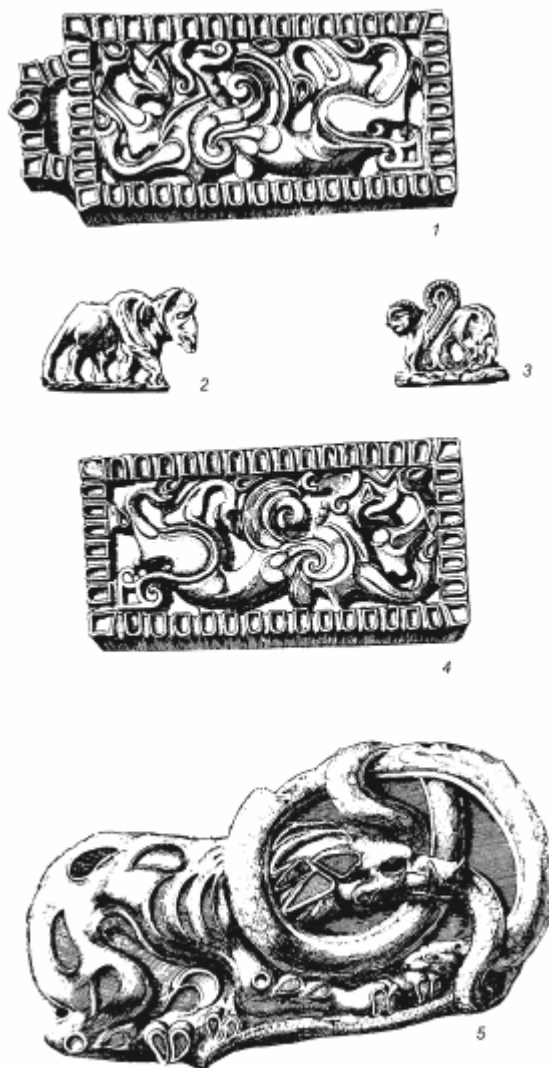

Рис. 2. Бляшки с изображением животных и сцен борьбы.
1, 4 — грифоны; 2 — крылатый конь, 3 — сфинкс;
5 — хищник в борьбе со змеей.

Изображение крылатого льва. Этот предмет довольно точно описан в книге Н. К. Витзена: «Другой идол, присланный мне из Сибири, размером в два пальца ширины из чеканного золота также вынут из древней могилы, где были найдены человеческие кости, под курганом или большим холмом. Он изображает стоящего четвероногого зверя вроде тигра или льва с человеческой головой и двумя распушенными крыльями. Внутри фигура полая, ноги внизу просверлены» [Зин-

нер, 1968, с. 31]. Судя по описанию и рисунку, это была небольшая полая скульптура на подставке с отверстиями. Таким образом, по описанию Н. К. Витзена, у мифического животного изображена человеческая голова, туловище льва, стоящего на четырех, нечетко выделенных, ногах, на горизонтальной подставке, с двумя веерообразными крыльями с обеих сторон. Голова и крылья фигуры украшены зернью (рис. 2, 3). Крылатые львы были широко распространенным сюжетом прикладного искусства Ирана в древности и средневековье. Крылатый лев с человеческой головой, сфинкс, восходит к образам искусства и мифологии древнего Переднего Востока [Руденко, 1960, с. 296]. В культурах скифского времени степной полосы Евразии изображения крылатых сфинксов известны в материалах памятников пазырыкской культуры Горного Алтая [Там же, с. 294–296]. Отдельные изображения сфинксов есть в скифских культурах Восточной Европы [Там же, с. 296]. Судя по этим аналогиям, находка относится к скифскому времени. Вероятно, она происходит из разграбленного кургана Прииртышья или Степного Алтая. Сюжетная линия восходит к образам иранского искусства.

Бляшка с изображением кошачьего хищника, инкрустированная вставками из цветных камней. У животного выделена морда с плотно сжатыми челюстями, округлый глаз, длинное ухо и хвост. На голове и туловище зверя четыре округлые и миндалевидные вставки из цветных камней (рис. 1, 4). Детали изображения прорисованы не очень четко, возможно, они были непонятны художнику. В силу этого поиск аналогий данному сюжету затруднен. Изображение зверя отчасти напоминает некоторые фигуры лежащих хищников из памятников скифского времени Ирана, Средней Азии и Алтая [Погребова, Раевский, 1992, с. 89; Переводчикова, 1994, с. 451]. По мнению ряда исследователей, появление декоративных деталей на туловище животных отражает влияние искусства ахеменидского Ирана [Переводчикова, 1994, с. 131]. Однако манера украшать изображение вставками из цветных камней является характерной чертой искусства сарматского звериного стиля [Ростовцев, 1993, с. 57–63], послужившего основой для развития полихромного стиля в торевтике. В коллекцию Н. К. Витзена бляшка могла попасть из разграбленных саргатских курганов Прииртышья, с которыми связаны близкие по стилю находки предметов торевтики [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 72].

Парные пряжка и бляха в прямоугольной рамке с изображением грифона. Грифоны показаны в профиль, лежащими, с вывернутым крупом. У них небольшая голова на короткой шее, треугольный глаз, полураскрытая пасть, длинные, приостренные сверху уши, на голове и шее зубчатый гребень. Передние лапы согнуты и подняты вверх, заканчиваются когтями, оформленными в виде миндалевидных гнезд для вставок из цветных камней. На теле грифона крылья с длинными, спиралевидно загнутыми перьями. Задняя часть тела вывернута лапами вверх. Когти оформлены миндалевидными гнездами для вставок цветных камней. Между задних ног на спину пропущен длинный тонкий хвост, заканчивающийся треугольным гнездом с двумя завитками. Прямоугольная рамка, в которую вписано тело грифона, оформлена по всему периметру полуовальными, а по углам — ромбическими гнездами. У бляхи, служившей пряжкой, имеется прямоугольный выступ с неподвижным шпеньком для продевания ремня. Он также оформлен полуовальными и ромбическими гнездами, а шпенек — овальным гнездом с приостренным концом. Обе бляхи прорезные, между рамкой и телом грифона имеются свободные участки (рис. 2, 1, 4).

Подобные бляхи входят в круг ажурных поясных пластин с элементами полихромного стиля и характерны для культур кочевников хунно-сарматского времени степей Евразии, от Ордоса и Забайкалья до Восточной Европы. А. П. Манцевич относит памятники полихромного звериного стиля к концу I тыс. до н. э. — началу I тыс. н. э. На основании анализа находок из северного Причерноморья она считает, что подобные предметы изготавливались во Фракии [Манцевич, 1976, с. 190–191]. Однако изображения грифонов со спирально загнутыми перьями на крыльях свойственны хуннскому звериному стилю [Могильников, 1992, табл. 113, 5, 6, 8]. Определенное сходство в изображении грифонов с нашейными гребнями, крыльями и львиными хвостами можно усмотреть в барельефах на фаларах из саргатского кургана у с. Сидоровка в Прииртышье. Эти изображения связаны с греко-бактрийской торевтикой [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 61]. Приведенные аналогии позволяют предположить, что бляхи с грифонами относятся к концу I тыс. до н. э. — началу I тыс. н. э. и могли попасть в коллекцию из разграбленных курганов саргатской культуры в Прииртышье.

Поясная бляха со сценой борьбы волкообразного хищника со змеей. Хищник изображен в профиль. У него кабанья морда с пятачком на носу, выступающими нижними клыками, миндалевидным глазом, длинным приостренным ухом и гривой. Тело вытянутое, с крупной грудной клеткой и подтянутым животом. Лапы согнуты в коленных суставах, когтями придают хвост змеи. Змея обвилась кольцом вокруг шеи хищника и вцепилась зубами в его левую переднюю лапу. У змеи маленький глаз, чешуя на теле, широко раскрытая пасть. На теле хищника: в ухе, гриве, ребрах, спине, крупе, конечностях, когтях — имеются гнезда со вставками из цветных камней (рис. 1, 5). Полностью идентичная парная пластина с изображением хищника в борьбе со змеей есть в Сибирской коллекции Петра I, однако хищник и змея ориентированы в противоположную сторону. Бляха из Сибирской коллекции хуже сохранилась, нижний край с телом змеи обломан, ломаное отверстие обнаружено перед мордой зверя [Манцевич, 1976, рис. 12, 2]. Можно предположить, что

это бляхи от одного поясного набора. Одна из них попала в коллекцию Н. К. Витзена, другая — в Сибирскую коллекцию Петра I. В. Ф. Штейн интерпретировал изображение на пластине как сцену борьбы барсука со змеей [Штейн, 1966, с. 261]. Но более вероятно, что здесь изображен фантастический хищник, соединивший черты волка и кабана, в борьбе с фантастическим змеем. Бляхи с подобными сценами борьбы в полихромном зверином стиле характерны для сарматского и хуннского звериного стиля [Могильников, 1992, табл. 113, 10; Манцевич, 1976, рис. 12, 2; Матющенко, Татаурова, 1997, с. 72–73]. В Сибири близкие по сюжету изображений пластины в прямоугольной рамке обнаружены в могильнике Сидоровка, относящемся к саргатской культуре. В. И. Матющенко и Л. В. Татаурова датируют памятник II–IV вв. н. э. [1997, с. 82]. Вероятно, данная бляха относится к концу I тыс. до н. э. — началу I тыс. н. э. Она могла попасть в коллекцию из разграбленного бугровщиками погребения знатного саргатского воина.

Двойная гривна, состоящая из двух обручей разной длины. Нижний обруч охватывает три четверти окружности. Его поверхность гладкая, лишенная орнамента. Обруч полый. Возможно, что в его концы вставлялись зооморфные навершия. Верхний обруч короче, охватывает чуть более половины окружности. Оба конца не менее чем на треть его общей длины орнаментированы припаянными восьмеркообразными фигурами из витой тонкой проволоки. Гладкая поверхность обруча отделена от орнаментированных концов поперечными кольцами. Оба его конца завершаются зооморфными фигурами, напоминающими следующие друг за другом головы животных, с длинными вытянутыми мордами, овальными глазами и прижатыми к шее ушами (рис. 3, 2). Не исключено, что художник не вполне понял сюжетную линию изображения, поэтому на рисунке головы оказались соединены в одну сплошную полосу. Полных аналогий этой гривне обнаружить не удалось. Зооморфные навершия верхнего обруча напоминают навершия в виде голов животных с длинной вытянутой мордой на браслете из Запорожского кургана. По мнению исследователей, это головы лошадей и козлов [Манцевич, 1976, с. 169]. Более вероятно, что на гривне из коллекции Н. К. Витзена изображены драконы, из пасти которых выползают или рождаются такие же чудовища. Подобный сюжет вполне соответствует охранительной функции гривны [Студзицкая, 1997, с. 156]. В пазырыкском искусстве подобные изображения трактуются как нападение хищника на травоядное животное [Руденко, 1960, с. 302].

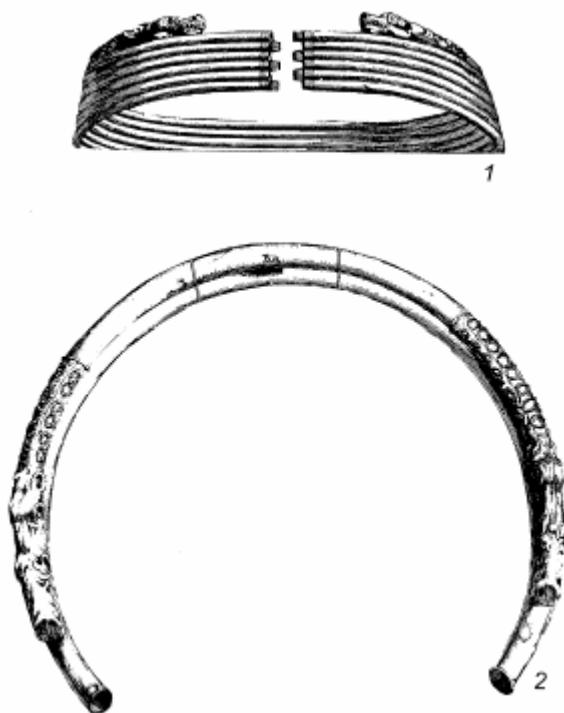

Рис. 3. Браслет (1) и гривна (2) с изображением голов животных.

Схожие по конструкции гривны и браслеты с фигурами или головами животных на навершиях имеются в Сибирской коллекции Петра I [Завитухина, 1977, с. 42]. В материалах саргатской культуры встречаются гривны без орнамента и наверший [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 74]. Золотая и серебряная гривны с изображениями голов фантастических хищников найдены в степном Алтае, в Тугозвонковском погребении, датированном IV–V вв. н. э. [Уманский, 1978, с. 140–151]. Судя по перечисленным аналогиям, гривны с зооморфными навершиями бытовали в культурах кочевников

евразийских степей в скифское и хунно-сарматское время. находка из коллекции Н. К. Витзена, скорее всего, относится к хунно-сарматскому времени и может быть связана с прииртышскими памятниками и культурами степного Алтая.

Разъемный браслет из коллекции Витзена, состоящий из семи спаянных между собой обручей. Обручи имеют гладкую поверхность, лишены орнамента. В месте разъема на их поверхность нанесена насечка в виде четырех узких полосок. На трех обручах с правой и левой стороны от разъема припаяны полые цилиндрические трубочки, орнаментированные насечками в виде четырех полосок. При соединении обоих концов браслета они образуют сплошную вертикальную цилиндрическую трубку, в которую можно вставить вертикальный шплинт и таким образом зафиксировать браслет. Обручи браслета несколько уменьшаются в диаметре от нижнего к верхнему, образуя усеченный конус. Концы верхнего обруча короче остальных и украшены головами фантастических животных, вероятно драконов, с вытянутыми мордами, за головами показаны фрагменты чешуйчатого покрытия и сетчатый орнамент (рис. 3, 1). Поскольку браслет зарисован в несколько необычном ракурсе, его зооморфные навершия показаны не столь детально, как у других предметов из коллекции. Близкие по конструкции и оформлению браслеты есть в Сибирской коллекции Петра I [Манцевич, 1976, с. 169; Завитухина, 1977, с. 42]. Более простые по исполнению витые браслеты встречаются в материалах саргатской культуры Западной Сибири [Матвеева, 1993, с. 112; 1994, с. 112]. Вероятнее всего, браслет из коллекции относится к концу I тыс. до н. э. — началу I тыс. н. э. и происходит из разграбленных курганов Прииртышья и степного Алтая.

Анализ предметов, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле, из коллекции Н. К. Витзена свидетельствует о том, что подобные вещи происходят из разных культурных комплексов скифского и хунно-сарматского времени. Большая часть находок связана с районами Прииртышья и степного Алтая, северного и центрального Казахстана. Поиск аналогий некоторым предметам уходит в отдаленные от Сибири районы Средней Азии, Ирана и северного Причерноморья [Манцевич, 1976, с. 188–191]. Не исключено, что эти образы скифо-сибирского искусства или уже готовые предметы могли попасть в состав предметного комплекса древних кочевников, обитавших в южных районах Сибири, в результате обмена по древним торговым трассам или вследствие военных походов. В то же время отдельные вещи могли быть получены корреспондентами Н. К. Витзена не только из Сибири, но и из других регионов.

Литература

- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. 1.
- Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1936. Т. 1, ч. 2.
- Вадецкая Э. Б. Сказы о древних курганах. Новосибирск, 1981.
- Вишневецкая О. А. Центральный Казахстан // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (Археология СССР).
- Галанина А. К. Курджипский курган. Л., 1980.
- Геннин В. де. Описание Уральских и Сибирских заводов. М., 1937.
- Завитухина М. П. Собрание М. П. Гагарина 1716 года в Сибирской коллекции Петра I // Археологический сборник. Л., 1977. Вып. 18.
- Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.
- Итина М. А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (Археология СССР).
- Княжецкая Е. А. Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1721) // Страны и народы Востока. М., 1989. Вып. 26.
- Королькова Е. Ф. Образы верблюдов и их развитие в искусстве ранних кочевников Евразии // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998.
- Курочкин Г. Н. Большая охота за сибирским «могильным золотом» // Санкт-Петербург и отечественная археология. СПб., 1995.
- Манцевич А. П. находка в Запорожском кургане (к вопросу о Сибирской коллекции Петра I) // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
- Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.
- Матвеева Н. П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993.
- Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994.
- Матющенко В. И., Татаурова Л. В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997.
- Миллер Г. Ф. О сибирских надписях // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1.
- Могильников В. А. Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (Археология СССР).
- Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М., 1989.
- Переводчикова Е. В. Язык звериных образов. М., 1994.
- Поаребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.
- Радлов В. Сибирские древности. СПб., 1888. Т. 1, вып. 1.

- Ростовцев М. И.* Средняя Азия, Россия, Китай и звериный стиль // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. № 5.
- Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I // САИ. 1962. Вып. ДЗ-9.
- Студзицкая С. В.* Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры // Окуневский сборник. СПб., 1997.
- Уманский А. П.* Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
- Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986.
- Черников С. С.* Загадка золотого кургана. М., 1965.
- Штейн В. Ф.* Золотые сибирские пластины с изображением «кабана», обвитого змеей // Сибирский археологический сборник. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1966. Вып. 2.
- Jettmar K.* Die friihen Steppenvolker. Badenbaden, 1964.
- Kossak G.* Geschichte und Aufgaben der archaologischen Erforschung Mittelasiens an der Schwelle zur friihen Eisenzeit // Eurasia Antiqua. Zeitschrift fur Archaologie Eurasiens. Berlin, 1965. B. 1.
- Strahlenberg F. I.* Das Nord- und Ostliche Teil von Europa und Asia. Stockholm, 1770.
- Witsen N.* Noord en Oost Tartaryen: behelzende eene beschrtving van verscheidene tartarsche en Nabuurige Gewesten, in de noorder en Oostelykste deelen van Azien en Europa. Amsterdam, 1785.

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН